



Проф. Курдъ Лассвицъ.

## Послѣ столѣтняго отпуска<sup>\*)</sup>

(Фантазія).

— Ну, и далеко же мнѣ ходить домой! Въ такіе жаркіе дни, это замѣтно. Я, кажется, усталъ... Впрочемъ, нѣкоторый моціонъ полезенъ.

Такъ думалъ учитель Фристеръ, вернувшись домой изъ гимназіи послѣ четырехчасовыхъ занятій. Онъ уютно устроился въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Усѣвшись у стола, онъ подперъ голову руками и сдвинулъ со лба сѣдые, еще мокрые отъ ходьбы волосы.

— До обѣда еще около часа. Что теперь дѣлать? Конечно, работать. Вотъ—двѣ кипы синихъ тетрадей—работы учениковъ послѣдняго класса. Надо исправить. Но сейчасъ не хочется приниматься за нихъ... А, вѣдь, очень интересно каждый годъ вести по пути духовнаго развитія новое поколѣніе—все новыя лица! Какая прекрасная задача—въ двадцать восьмой-разъ влгать жизнь и свѣжія силы въ одинъ и тотъ же учебный матеріалъ. Жаль только, что лица такъ сильно повторяются. Я заранѣе хорошо знаю, что написано въ тетрадяхъ. Въ нихъ все однѣ и тѣ же ошибки. Для статистика было бы весьма поучительно, какъ у отдѣльных лицъ проявляется одинъ и тотъ же законъ чловѣческихъ заблужденій въ своемъ развитіи,—очень интересно! Но сейчасъ я, все-таки, нѣсколько усталъ...

Фристеръ взялся за свои бумаги, заключавшія въ себѣ его весьма важныя изслѣдованія о ежедневныхъ температурныхъ кривыхъ, и углубился въ нихъ. Тамъ былъ одинъ очень трудный пунктъ, который ему еще не удалось преодолѣть. Правда, путь имъ уже былъ намѣченъ, но для этого нужны были вычисления, которыя бы потребовали нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы, а какъ ему урвать столько времени?

Онъ обмакнулъ перо, сдѣлалъ замѣтку, снова отложилъ его и снова подперъ голову руками.

<sup>\*)</sup> Перев. А. С—ва.

— Это бы еще пошло,—думалъ опъ.—Только для этого нужно быть совершенно свѣжимъ. Но какъ? Четыре часа занятій въ гимназіи, необходимость много говорить, раздраженіе на постоянныя глупости учениковъ, потомъ дорога домой... Въ общемъ, мы еще очень отстаемъ въ школьной техникѣ. Развѣ нельзя было бы изобрѣсти что-нибудь получше этой устарѣлой практики, когда ученики и учителя должны сходиться въ одинъ классъ... Конечно, это идеальная задача... А между тѣмъ на это расходуется много силы, это утомляетъ. Мнѣ думается, что развитіе техники могло бы указать въ этой области болѣе экономическій путь.

Фристеръ откинулся на спинку кресла и полузакрывъ глаза.

— Да,—продолжалъ онъ думать,—черезъ сто или двѣсти лѣтъ съ какимъ состраданіемъ будутъ смотрѣть на нашу устарѣлую, связанную съ бесполезной тратой силъ школьную методу. Молодежь, впитавшая въ плоть и кровь чувство ответственности и долга, учительскій персоналъ, вооруженный всеми пріобрѣтеніями новѣйшей техники... ни увлеченіемъ со стороны учениковъ, ни надувательствомъ, ни шалостей, ни переутомленіемъ... Идеальное положеніе вещей! Отчего бы мнѣ до того времени не взять отпуска?.. Комично, что мнѣ пришло въ голову... очень смѣшно... Хотѣлось бы мнѣ знать... Кажется, стучать... А, это вы, коллега Фольтгеймъ! Очень мило съ вашей стороны! Какъ разъ я о васъ думалъ. Вы—человѣкъ изобрѣтательный. Не знаете ли вы учрежденія, которое бы... какъ это сказать?.. модернизировало \*), упростило нашу систему преподаванія?..

— По моему,—отвѣтилъ голосъ Фольтгейма,—наша «школа на разстояніи»—превосходное учрежденіе.

— Школа на разстояніи? Что вы такъ странно смотрите на меня, коллега? Я немножко усталъ... пожалуйста, садитесь.

— Я знаю, что сейчасъ долженъ начаться нашъ урокъ, но надѣюсь, что не помѣшаю вамъ.

— Сегодня? У меня урокъ? — У меня нѣтъ урока!.. Я какъ-то странно чувствую себя, и у меня немного болитъ голова. Какое у насъ сегодня число?

— 8 Іюля 1999, господинъ натурсовѣтникъ.

— Ахъ, да... такъ таки... Я думалъ было... Натурсовѣтникъ... Вы все не можете безъ своихъ шуточекъ, коллега.

— Но, вѣдь, это ваше званіе, какъ преподавателя географіи 211-ой телефонной реальной гимназіи. Слышите? Звонокъ. Ваши ученики соединили свои квартиры съ вашей. Вы можете начать.

Фристеръ старался посмотреть въ лицо коллегъ, но черты его расплывались. Онъ услышалъ тихій мелодическій шумъ, не будучи въ состояніи объяснить себѣ, откуда онъ идетъ. «Это какая-нибудь штука Фольтгейма», подумалъ онъ. «Ладно, не буду ему мѣшать. Посмотримъ, что это у него такое». И, разсмѣявшись, онъ сказалъ громко.

— Дорогой коллега, я сейчасъ совсѣмъ не подготовился къ уроку, да къ тому же вовсе не знаю, что вы разумѣете подъ своей школой на разстояніи.

— Теперь, вижу, что вы, въ свою очередь, хотите подшутить надо мною, господинъ натурсовѣтникъ,—услышалъ онъ снова голосъ Фольтгейма.—Вѣдь, вы еще вчера записали вашъ сегодняшній урокъ на фонографъ. А про «шкслу на разстояніи» вы еще въ 1977 году написали брошюру. Помните?

— Право, сейчасъ не могу вспомнить.

\* ) Подновило, сдѣлало болѣе современной.

Фольггеймъ засмѣялся:

— Ну, такъ взгляните на ту своеобразную картинную галерею, что виситъ вонъ тамъ на стѣнѣ.

Фристеръ поднялъ глаза. Онъ былъ очень удивленъ. Въ самомъ дѣлѣ, на стѣнѣ, гдѣ обыкновенно стояла полка съ книгами, находилось штукъ до тридцати прямоугольных рамокъ.

Но картины въ нихъ были живыя. Онѣ изображали молодыхъ людей въ возрастѣ отъ 16 до 19 лѣтъ, въ непринужденныхъ позахъ сидѣвшихъ каждый въ креслѣ. И въ нихъ профессоръ узналъ своихъ учениковъ выпускного класса, хотя и въ непривычныхъ для него костюмахъ. Вонъ его первый ученикъ, гладко остриженная голова котораго еле выглядываетъ изъ за газеты. Вонъ Мейеръ спокойно куритъ свою сигару, а другіе жуютъ свой завтракъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, можно подумать, что это мои ученики, — сказалъ Фристеръ. — Это очень интересно. Только я не знаю, что все это значитъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, я получилъ отпускъ на сто лѣтъ? Допустите это, коллега, и говорите со мной такъ, какъ если-бъ у насъ сейчасъ былъ дѣйствительно 1999 годъ, а я вдругъ потерялъ всю память.

— Охотно, господинъ натурсовѣтникъ, если это доставляетъ вамъ удовольствіе. Эти молодые люди составляютъ выпускной классъ 211-й реальной гимназіи. Они находятся всѣ не въ классной комнатѣ: большинство изъ нихъ сидитъ у себя дома, какъ и вы сами. Лишь въ томъ случаѣ, если родители не имѣютъ средствъ устроить у себя необходимый для занятій на разстояніи аппаратъ, ученики идутъ въ спеціальныя общественныя помѣщенія, устроенныя для этой цѣли. Молодые люди живутъ, какъ вы знаете, въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, такъ какъ обученіе на разстояніи можетъ захватывать районъ до тысячи верстъ и болѣе.

— Право, я ничего этого не знаю, коллега... Говорите, пожалуйста, дальше. Во время моего отпуска техника сдѣлала, повидимому, колоссальныя успѣхи.

— Ну, конечно. Усовершенствованы не только телефоны, но и зрительные приборы, такъ что, слушая кого-нибудь, говорящаго съ вами по телефону, вы въ то же время можете ясно видѣть его лицо, движенія, жесты. Теперь, понятно, вовсе не нужно дѣлать большихъ концовъ, чтобы попасть въ школу учитель и ученики преспокойно могутъ оставаться дома.

— Пріятно, — пробормоталъ Фристеръ. — Но вліяніе личнаго присутствія преподавателя...

— И оно остается. Какъ вы видите учениковъ, такъ и они видятъ преподавателя, только въ натуральную величину. Напротивъ того, другъ друга ученики видѣть не могутъ, а лишь слышать; вы также слышите все, что они говорятъ. Вамъ стоитъ только нажать вонъ ту кнопку, что передъ вами, — цѣпь заменится, и вы можете начать урокъ.

— Понятно! Какая масса неприятностей устраняется такимъ образомъ! Но къ чему намъ особенно спѣшить? Скажите, коллега, вѣдь это заведеніе порядочно-таки дорого обошлось государству?

— Что же изъ этого? Съ тѣхъ поръ, какъ въ Новой Гвинее открыты неисчерпаемыя золотыя россыпи, а въ нѣмецкомъ Китаѣ нефтяные источники, у насъ такъ много денегъ, что, въ концѣ концовъ, ихъ ни на что лучшее не употребить, какъ на образовательныя цѣли.

— Ага! Какой же окладъ получаю теперь я?

— Но, вѣдь, вы же и сами знаете! Въ качествѣ натурсовѣтника— 24 тысячи рублей. Но къ дѣлу. Школьная гигиена сдѣлала за это время также немаловажные успѣхи. Вопросъ о переутомленіи устраненъ. Кресла, на которыхъ сидятъ ученики, остроумно снабжены автоматическими измѣрительными приборами, показывающими вѣсъ тѣла, ударъ пульса, давленіе и количество вдыханій и выдыханій и потребление—трату мозговой энергии. Какъ только мозговая энергія потрачена въ достаточномъ количествѣ, психографъ тотчасъ же отмѣчаетъ наступившее утомленіе, сообщеніе между ученикомъ и учителемъ автоматически прерывается, и ученикъ тѣмъ самымъ освобождается отъ дальнѣйшихъ занятій. Когда треть класса будетъ такимъ образомъ удалена, вы можете прекратить урокъ.

— Очень хорошо. А если я самъ нѣсколько утомленъ, какъ, напримеръ, сегодня?..

— И это по упущено изъ виду. Если вы хотите сейчасъ начать, то надѣньте эту штемпелеванную предохранительную мозговую повязку. Она предохранитъ васъ отъ опасности потратить въ школѣ больше мозговой силы, чѣмъ это нужно въ соответствіи со способностями вашихъ учениковъ и сообразно съ вашимъ окладомъ. А теперь прикоснитесь къ кнопкѣ. Слышите? Звонокъ! Теперь вы появились передъ учениками и можете говорить съ ними.

— Но о чемъ? Я, право, не подготовился,—тихо прошепталъ Фристеръ Фольтгейму.

— Сейчасъ найдете,—отвѣтилъ тотъ такъ же тихо.—Вы, какъ опытный учитель, заставьте говорить учениковъ. У каждой рамки вблизи написано имя. Ваша лекція записана здѣсь на фонографѣ; стоитъ только нажать.

Тотчасъ же можно было замѣтить, что учитель «появился въ классѣ», т. е. сталъ видимъ ученикамъ. Ратенбергъ отложилъ свою газету, Мейеръ стремительно бросилъ окурокъ сигары, Суппардъ и Нейманъ проглотили послѣдніе куски своего завтрака.

Фристеръ осмотрѣлъ всѣ рамки.

Одинъ изъ учениковъ, Мейеръ, поклонился и сказалъ:

— Пршлый разъ меня въ школѣ не было.

— Почему?

— Мнѣ нужно было промассировать себѣ вторую мозговую извилину.

Фристеръ покачалъ головой. Почему онъ могъ знать, было ли это достаточно уважительной причиной по новымъ понятіямъ.

— Зачѣмъ это вамъ понадобилось?—спросилъ онъ и кивнулъ Фольтгейму, призывая его на помощь.

— Родители сфотографировали мои сны,—сказалъ Мейеръ,—и оказалось, что во снѣ я все видѣлъ лошадей.

— Надувательство!—прошепталъ Фольтгеймъ.—Лошади давно по-вымерли.

— Но, вѣдь, лошади давно всѣ повымерли,—сказалъ Фристеръ.

— Именно потому я и долженъ былъ полѣчиться массажемъ, господинъ натурсовѣтникъ.

— Ну, что тамъ! Географія—лучшій массажъ для мозга.

Фристеръ замѣтилъ, что въ двухъ рамкахъ, оставшихся до того времени пустыми, появились фигуры учениковъ

— А, Гейнцъ, откуда это вы изволили явиться?

— Извините, господинъ натурсовѣтникъ: мама вчера оставила въ дамскомъ клубѣ на Шпицбергенѣ свою карманную машинку для приготовления бѣлка; мнѣ нужно было взять ее, а такъ какъ было очень вѣтрено, то я и запоздалъ.

— А вы, Шварцъ, отчего запоздали?

— Я... мой отецъ получилъ вчера тайнаго электриковѣтника...

— Не вижу никакой причинной связи съ вашимъ отсутствіемъ.

— Мы были приглашены на праздникъ въ центральную станцію, а потому я не могъ попасть во время въ мою комнату.

— Отговорки!—прошепталъ Фольтгеймъ.—Кутилъ, вѣроятно.

— Такъ,—произнесъ Фристеръ.—Но все это для меня недостаточно ясно. Скажите, Мейеръ, о чемъ шла рѣчь на прошломъ урокѣ?

— Извините, господинъ натурсовѣтникъ, меня вчера не было.

— А, правда. Такъ скажите вы, Брандгаузъ.

— Извините, г-нъ натурсовѣтникъ, я вчера не могъ работать. Вотъ объясненіе моего отца.

Брандгаузъ нажалъ кнопку своего фонографа, и тотчасъ же послышался басъ пожилого человѣка: «Мой сынъ, Сименсъ, вслѣдствіе переутомленія мускуловъ руки не могъ вчера сдѣлать своихъ работъ. Брандгаузъ».

— Какъ?—спросилъ Фристеръ.—Вѣдь руки вамъ не нужны для повторенія уроковъ.

— Нашъ моторъ испорченъ, и мнѣ пришлось бы самому вращать фонографъ, при помощи котораго я записывалъ, а я не могъ этого дѣлать.

— Гдѣ же это вы такъ переутомились?

— При упражненіяхъ на воздушномъ велосипедѣ.

Фристеръ смущенно оглянулся на Фольтгейма.

— Это можетъ быть, прошепталъ тотъ.—Вѣроятно, онъ былъ на воздушной прогулкѣ и слишкомъ много протанцовалъ съ барышнями воздушныхъ кадрили.

— А знаетъ, коллега, отговорокъ и отказовъ отъ уроковъ въ вашей новой школѣ, повидимому, не меньше, чѣмъ въ прежней.—И онъ снова повернулся къ ученикамъ.

— Ну, Ратенбергъ, о чемъ шла у насъ прошлый разъ рѣчь?

— О сигнальныхъ свѣтовыхъ станціяхъ для сношеній съ Америкой. Но ихъ теперь уже больше не существуетъ, такъ какъ онѣ замѣнены химическими приспособленіями. Вновь открытые химическіе лучи проходятъ сквозь раскаленную внутренность земного шара, благодаря чему является возможность говорить химическимъ путемъ сквозь землю.

Фристеръ въ удивленіи покачалъ головою.

Ученикъ принялъ это за возраженіе и продолжалъ.

— Господинъ натурсовѣтникъ называлъ, кромѣ того, еще станціи «Крейцбергъ—Чимборазо», но этотъ путь также уничтоженъ сегодня утромъ. Я только что прочелъ объ этомъ въ «Берлинскомъ Дальновѣстникѣ».

— Хорошо. Хорибоксъ, продолжайте.

— Важнѣйшими государствами Америки являются Калифорнская имперія, королевство Нью-Йоркъ, анархистская республика Куба, церковное государство Мексика и южно-американское Царство Солнца».

— Чего только не приходится слышать,—подумалъ Фристеръ. Но вслухъ онъ сказалъ лишь:

— Продолжайте, Шварцъ.

Шварцъ заговорилъ съ такой быстротой, что Фристеръ едва успѣвалъ слѣдить за его словами.

— Послѣ того какъ, благодаря изобрѣтенію новаго способа непосредственно превращать солнечное лучеиспусканіе въ рабочую силу,

техники стали господствующимъ сословіемъ и соединили въ своихъ рукахъ всё рабочія средства человѣчества; они основали акціонерное общество, при чемъ скупили въ южной Америкѣ всю землю между тропиками. Такъ какъ свою силу они получали непосредственно отъ солнца, то и назвали это государство—Царствомъ Солнца. Надъ высокими горами, надъ вершинами деревьевъ и надъ равнинами протянуты ими собиратели лучей...

— Но, Шварцъ, вы вовсе не двигаете губами. Да и зачѣмъ вы все время играете пальцами по столу? Вы, вѣроятно, считаете?

— Извините, господинъ натурсовѣтникъ...—И Шварцъ снова забарабанилъ пальцами.—Я работаю на говорильной машинѣ. Самъ я не могу говорить, потому что обжегъ себѣ языкъ.

— Въ такомъ случаѣ продолжайте.

— Мы остановились на этомъ.

Фристеръ въ смущеніи повернулся къ Фольтгейму.

— Что дѣлать?—спросилъ онъ.

— Заведите свой фонографъ.

Фристеръ нажалъ кнопку и къ величайшему своему удивленію услышалъ свой собственный голосъ: «Обратимся къ путешествіямъ и открытіямъ на южномъ полюсѣ. Теперь намъ, конечно, легко скользить на нашихъ летательныхъ машинахъ по воздуху надъ ледяной пустыней, но подумайте, какія трудности надо было преодолѣть еще лѣтъ сто тому назадъ, какимъ нужно было обладать мужествомъ, чтобы отважиться на путешествіе въ эти недоступныя страны на хрупкихъ корабляхъ или на жалкихъ саняхъ, запряженныхъ собаками. Если бы нашимъ предкамъ жилось такъ легко и уютно, какъ намъ, то мы никогда не достигли бы южнаго полюса. То были совсѣмъ иные люди! Никогда ученику 19 вѣка не пришло бы въ голову жевать украдкой во время урока искусственную спаржу, какъ я только что, къ сожалѣнію, замѣтилъ, тѣмъ болѣе, что это лакомство напоминаетъ о кутежахъ. Подумайте, какія муки голода приходилось иногда переносить путешественникамъ-исслѣдователямъ. Случалось, что по цѣлымъ недѣлямъ у нихъ ничего не было, кромѣ птичьего жира, но и несмотря на это, они не падали духомъ,—и среди жестокихъ мукъ голода одинъ изъ этихъ героевъ занесъ въ свой дневникъ слѣдующія замѣчательныя слова»...

— Эмиль, хочешь сегодня къ ужину искусственной спаржи? Она недорого—раздался высокій женскій голосъ какъ разъ послѣ этихъ словъ оратора...

Громкій смѣхъ всѣхъ учениковъ встрѣтилъ этотъ неожиданный перерывъ. Въ смущеніи Фристеръ обернулся къ Фольтгейму:

— Что это такое?—спросилъ онъ.

Фольтгеймъ тоже улыбался.

— Вѣроятно, вчера во время вашего приготовленія къ уроку ваша супруга обратилась къ вамъ съ этимъ вопросомъ а фонографъ точно воспроизвелъ его,—сказалъ онъ.

— Но, дорогой коллега, вѣдь это нѣсколько неудобно...

— Видите ли, тутъ есть и своя хорошая сторона. Этотъ взрывъ смѣха такъ утомилъ учениковъ, что восемь клапановъ захлопнулись. Эти восемь учениковъ переутомлены. Еще трое, и вамъ надо будетъ кончить урокъ.

— О, это было бы очень хорошо, потому что и самъ я, какъ уже сказалъ вамъ, нѣсколько усталъ. Но послушайте, это еще что за звонокъ?

— Это звонокъ директора: онъ желаетъ съ вами говорить.

Въ самомъ дѣлѣ, Фристеръ ясно услыхалъ незнакомый голосъ:  
 — Извините, дорогой г-нъ натурсовѣтникъ, что я вамъ помѣшалъ. Но я только что узналъ, что коллега Брехбергеръ натолкнудся съ своимъ воздушнымъ велосипедомъ на дымовую трубу и нѣсколько испугался. Будьте добры замѣнить его на слѣдующій часъ.

— Съ удовольствіемъ...

Директоръ снова позвонилъ въ знакъ окончанія разговора.

— Что же мнѣ теперь дѣлать, дорогой Фольтгеймъ?—жалобно сказалъ Фристеръ—Остальные ученики еще бодры, а братья за фонографъ я больше не рѣшаюсь.

— Такъ заставьте учениковъ повторить сказанное.

Фристеръ повернулся къ классу:

— Теперь повторите мнѣ, что я сказала.

И онъ увидѣлъ, какъ всѣ ученики почти одновременно нажали кнопки своихъ фонографовъ, на которыхъ они записали урокъ. Аппараты завертѣлись. Беспорядочно зазвучала въ ухахъ Фристера произнесенная имъ рѣчь, повторяемая двумя дюжинами фонографовъ; все сильнѣе и сильнѣе становилось жужжанье и шумъ, онъ чувствовалъ, какъ отъ всего этого у него начинаетъ кружиться голова; онъ застоналъ, схватился за голову... и вдругъ сразу все смолкло.

«Ахъ, это мозговая повязка»,—подумалъ онъ.—«Конечно, я слишкомъ усталъ, и урокъ прекратился самъ собой. Слава Богу!»

Вдругъ—его встряхнуло. Рамки передъ нимъ исчезли. Его старыя книги попрежнему стояли у него передъ глазами.

— Но скажите, пожалуйста, что это такое, коллега Фольтгеймъ?..

Его коллега, Фольтгеймъ, стоялъ рядомъ съ нимъ и говорилъ:

— Извините, пожалуйста! надѣюсь, вы сами проснулись? Когда я вошелъ, вы дремали такъ сладко, что я тихонько сѣлъ на софу, чтобы не мѣшать вамъ.

— Ахъ, такъ я дремалъ? А, вѣдь, я слышалъ, какъ вы вошли. Но, знаете, какой удивительный сонъ я видѣлъ: 24 тысячи рублей оклада! Но подъ конецъ мнѣ нужно было замѣнить коллегу...

— Къ сожалѣнію, это и въ дѣйствительности такъ. Поэтому-то я и пришелъ къ вамъ... Коллега Третеръ...

— Что вы говорите! Когда же?

— Завтра въ 8 часовъ.

— Въ классѣ?

— А гдѣ же еще?

— А я думалъ въ новой «школѣ на разстояніи». Вы удивляетесь? Ахъ, если бъ вы только знали! Послѣ столѣтняго отпуска... Садитесь же, коллега. Значить, завтра? Это хорошо, потому что сегодня я, правда, чувствую себя нѣсколько нездоровымъ.

